

Марина Цирна
БУД БИЛАРДИ

ЖЕНА БРАТА

Переплетение судеб

Ирина Биларди Марина Вуд Жена брата. Переплетение судеб

<https://litres.ru/74278627>

Аннотация

Я жила в иллюзии: муж, семья, ребёнок. Казалось, у меня есть всё, о чём можно мечтать.

Но однажды я застала мужа с моей собственной сестрой — и всё рухнуло.

А потом оказалось, что самое страшное впереди: мой ребёнок вовсе не от мужа, а от человека, которого я всегда боялась.

От Ярослава. Его брата. Холодный. Жестокий. Властный. Все считали его чудовищем. Я тоже.

Но именно он держал меня за руку, когда я рожала. Именно он стал моим спасением там, где не осталось никого.

Я боюсь и жажду его прикосновений. Но судьба не оставляет нам выбора: в Ярослава стреляют, он между жизнью и смертью, а наш сын исчезает прямо из дома.

И теперь я должна бороться. За малыша. За себя. И за любовь, которая разрушает меня до основания.

ХЭ - обязательно!!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	71
Глава 10	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1

Ольга

Я сижу на жестком пластиковом стуле в коридоре больницы, прижимая руки к груди так сильно, будто от этого зависит моя жизнь. Вокруг — запах антисептиков, гул кондиционеров, шаги по кафелю и негромкие голоса. Всё сливается в фон, и только внутри меня гремит одна мысль: он там. На операционном столе. И всё может закончиться.

Кажется, что время не движется. Минуты тянутся, как холодная жвачка. Я кусаю губы до крови, лишь бы не расплакаться. Не здесь. Не на глазах у чужих людей.

Я не должна плакать. У меня есть сын. Он дома, с няней. Я надеюсь, что он спит, сопит своим маленьким носиком, дёргает ручкой во сне. Надеюсь, что няня качает его так же бережно, как я, и что он не чувствует, как страшно его маме.

Но внутри всё дрожит. Как мне самой заснуть, если я не знаю — проснётся ли завтра Ярослав?

Я впервые в жизни боюсь так сильно. Не за себя. За него. Перед глазами всё время всплывает та сцена. Его фигура на сцене, уверенная, спокойная. Его голос. Его взгляд, которым он нашёл меня в толпе. А потом — хлопок. Тишина, разорванная мгновением. И он, хватающийся за шею, за белоснежный воротник, на котором расползается алое пятно.

Я всё ещё чувствую этот ужас, когда он повалился на пол,

когда вокруг закричали люди, когда чьи-то руки оттолкнули меня в сторону. Я пыталась прорваться, я звала его по имени, но вокруг было слишком много людей, слишком много суеты.

Теперь он здесь. За закрытой дверью. И я ничем не могу помочь.

Я поднимаюсь, начинаю ходить туда-сюда по коридору, потому что сидеть невозможно. Пол холодный, кафельный. Стены белые. Всё бездушное, стерильное, будто специально созданное, чтобы ты чувствовал себя песчинкой.

Наконец дверь распахивается. Из операционной выходит врач — высокий, усталый мужчина в синей шапочке и маске, спущенной на подбородок. На его лице отпечаталась ночь, проведённая в крови и напряжении.

— Вы... родственница? — спрашивает он.

Я киваю. Голос предательски дрожит:

— Как он?..

Врач снимает перчатки, сжимает их в комок и долго смотрит на них, прежде чем ответить.

— Он всё ещё в очень тяжёлом состоянии. Поражена правая подключичная артерия и трахея. Кровопотеря огромная. Мы сделали всё, что могли, но прогнозы осторожные.

Я вцепляюсь пальцами в край халата врача, даже не замечая этого.

— Но... когда он придёт в себя?

Мужчина качает головой. Его глаза усталые, но честные.

— Сейчас вопрос не в этом. Сейчас вопрос — останется ли он жив.

Словно ледяная рука сжимает моё сердце. Воздух становится густым, я едва могу дышать. Жив... или нет. Так просто. Так страшно.

— Нет... — выдыхаю я, — нет, он должен... он не может...

Слёзы предательски катятся по щекам, и я не в силах их остановить.

Врач кладёт руку мне на плечо. Его голос спокоен, но в нём нет ни капли утешения:

— Мы сделали всё возможное. Сейчас многое зависит от его организма.

Я смотрю на дверь, за которой он лежит, и внутри всё рвётся. Как он там? Один, среди трубок и холодных приборов. Такой сильный, властный, огромный — и вдруг беспомощный, зависимый от капельниц и чужих рук.

Я не должна его терять.

Врач говорит дальше:

— Нет смысла сидеть здесь всю ночь. Вы истощены. Вам нужно поехать домой, поспать. Если будут новости, я лично вам позвоню.

Я открываю рот, чтобы возразить, но не нахожу слов. Он прав. Я устала так, что руки дрожат. Голова гудит. Я чувствую, как тело вот-вот сдастся. Но уйти — значит оставить его одного.

— Я... я не могу, — шепчу я. — Он там... один.

— У него есть мы, — мягко, но твёрдо отвечает врач. — Поверьте, мы сделаем всё, что можем. А вы должны заботиться о себе.

Я прикусываю губу. Малыш. Да. У меня есть Сашенька. Он ждёт меня. Он не понимает, что происходит, но он чувствует. И он нуждается во мне.

Я стираю слёзы с лица, хотя руки дрожат.

— Если... если хоть что-то изменится...

— Я вам позвоню, — кивает врач. — Идите.

Я смотрю на дверь в операционную в последний раз. Шепчу внутри себя: держись, Ярослав. Пожалуйста. Ради меня. Ради сына. Ради нас.

И разворачиваюсь, делая шаг к выходу. Каждый шаг даётся тяжело, словно я оставляю за этой дверью часть себя.

Вызываю такси и еду домой.

Машина мягко катится по ночной Москве, и огни города расплываются в моих глазах. Я держусь за подлокотник, буд-

то за спасательный круг. В голове всё крутится, будто сло-
манная киноплёнка.

Ярослав.

Платье. Его взгляд, когда он сказал, что я должна бли-
стать. Его рука на моей спине, когда мы поднимались по сту-
пенькам. Камеры, вспышки, шёпот. И он рядом, уверенный,
будто всё вокруг принадлежало только ему.

И тот момент — когда Катя с колким голосом спросила
меня, кто я ему. Я растерялась, я не знала, что сказать. А
он подошёл, обнял сзади и сказал: мама моего чудесного сы-
на. Эти слова прожгли меня насквозь. Я не забыла, как его
губы почти коснулись моего виска, и мне пришлось сделать
усилие, чтобы не закрыть глаза и не потеряться в этом.

Потом сцена. Его сдержанная улыбка, его голос — уве-
ренный, глубокий. Я сидела, и сердце колотилось так силь-
но, что, казалось, его слышали все. Я думала: какой же он
классный. Как же я... — и не договорила даже самой себе.

А потом — кровь.

Я вжимаюсь в сиденье такси и закрываю лицо руками. В
груди опять поднимается паника. Но я заставляю себя ды-
шать глубже. Он должен выжить. Он просто обязан.

Пытаюсь оттолкнуть страшные картины и возвращаюсь к
другому. К тому, что было раньше. Его глаза в ту ночь, ко-
гда я рожала. Его ладонь, которая держала мою руку, пока
я кричала от боли. Его голос, твердый, спокойный: Пока я
здесь, ничего не случится.

Наш утренний завтрак, когда он принес еду прямо в комнату. Его редкая, почти мальчишеская шутка. Наш смех. Его глаза, когда он сказал: Сегодня я буду танцевать с самой красивой женщиной.

Прогулка в лесу. Коляска. Его шаги рядом. И наш поцелуй — первый, робкий, почти неловкий. Как будто всё вокруг исчезло, и остались только мы.

Слёзы катятся по щекам, я стираю их ладонями, но они появляются снова. Всё это — как сон. Но слишком реальный, слишком близкий.

Машина тормозит у дома. Я расплачиваюсь, даже не глядя на водителя, и почти бегу к крыльцу. Внутри темно.

Я замираю на пороге.

Слишком тихо.

Я знаю этот дом: обычно тут слышны шаги, и мягкий голос домработницы, где-то наверху — сонное бурчание малыша. Но сейчас... ничего. Ни звука.

Я поднимаюсь по лестнице, сердце стучит всё громче. Рука дрожит, когда я толкаю дверь в спальню.

Колыбелька.

Пустая.

— Нет... — вырывается у меня сипло.

Я подбегаю к ней, касаюсь матраса — он холодный. Значит, малыша здесь нет уже какое-то время.

— Сашенька? — голос срывается. — Сашенька, ты где?..

Внутри поднимается ужас. Я хватаюсь за голову, за волосы. Пытаюсь убедить себя, что няня... да, няня могла унести его в другую комнату. Покачать. Чтобы я не волновалась. Всё просто. Всё объяснимо.

— Лариса?.. — кричу я, голос звенит в тишине. — Татьяна Васильевна?..

Но в ответ — только эхо и скрип половиц.

Я вылетаю в коридор, бегу в соседнюю комнату, потом в другую. Пусто. Двери распахнуты, кровати заправлены, нигде ни души.

— Нет, нет, нет, — шепчу я, уже задыхаясь.

Темный дом давит со всех сторон. Каждая тень кажется чужой фигурой, каждая щель — ловушкой. Я хватаюсь за перила, ноги дрожат.

Малыш исчез.

Сашенька.

Моё сердце, моя жизнь. Его нет.

Я падаю на колени посреди коридора и закрываю лицо руками. Слезы жгут, горло сжимает, дыхание сбивается.

Глава 2

Ольга

Я лежу на полу, на холодном паркете, рядом с пустой колыбелькой. В груди пустота, такая же, как внутри неё. Руки не слушаются, ноги словно налились свинцом. Я хочу закричать, но голоса нет. Только сиплое дыхание, прерывистое, будто я задыхаюсь.

Светаёт. Сквозь шторы пробивается первый бледный свет. В нём всё кажется ещё страшнее. Тени становятся тяжелее, пустота вокруг — ещё гуще.

Я закрываю глаза и вдруг вспоминаю, как перед отъездом наклонилась к колыбельке. Как вдохнула макушку Сашеньки, тёплую, пахнущую молоком и чем-то бесконечно родным. Как он сопел, посасывая губами во сне, и я думала: «Ничего, малыш, всего на два часа. Я вернусь, и мы снова будем вместе».

Всего на два часа... Я оставила его, даже не сомневаясь. Думала, что он в безопасности. Думала, что всё будет хорошо. А теперь... пустота.

Я шепчу:

— Сашенька... где ты...

Слова тонут в тишине, а сердце разрывается от того, что не знаю, где мой ребёнок.

Тело онемело, глаза горят от слёз. Я закрываю лицо ру-

ками, будто так можно спрятаться от реальности. Но пустая колыбелька рядом — словно удар в сердце каждую секунду.

Скрип двери.

Я вздрагиваю, но даже не могу подняться.

— Господи, что же это такое... — женский голос, полный ужаса. — Олечка... девочка моя...

Я узнаю этот голос. Татьяна Васильевна, управляющая домом. Её шаги быстрые, торопливые, каблуки стучат по полу. Она бросается ко мне, опускается на колени.

— Что случилось?! — её руки тёплые, они гладят меня по голове, поправляют волосы, словно я снова маленькая девочка. — Олечка, милая, что с тобой?

Я пытаюсь открыть рот, но горло сжато. Слезы душат. Я ловлю воздух, будто рыба, выброшенная на берег.

— Малыш... — наконец вырывается у меня. — Его нет...

Татьяна Васильевна замирает. Её глаза расширяются.

— Как — нет? Где он?

Я с трудом поднимаюсь, опираюсь на её плечо. Тело дрожит, как в лихорадке. Слова рвутся обрывками, сбиваются.

— Мы... мы с Ярославом поехали на раут... там... стреляли... он... он упал... кровь... — я начинаю плакать снова, не могу остановиться. — Я поехала в больницу... мне сказали... сказали, что он может не выжить... и потом... потом я приехала сюда... а тут... пусто... никого... я звала, бегала... никого... даже охраны...

Татьяна Васильевна прижимает меня к себе, качает, как

ребёнка.

— Господи боже... Олечка, милая... держись, слышишь? Мы разберёмся... найдём...

Я рыдаю у неё на груди, слова рвутся вместе с всхлипами:

— Это моя вина... я отъехала совсем не надолго... я оставила их одних... я должна была быть рядом...

— Тише, девочка моя, тише, — гладит она меня по голове, её руки сильные, уверенные. — Это не твоя вина. Ты не могла знать.

Я поднимаю глаза.

— А если... если нет?

В её взгляде промелькнула тень, но она быстро выпрямилась и заговорила твёрже:

— Мы всё узнаем. Сейчас же.

Она достаёт телефон, пальцы дрожат, но голос остаётся чётким:

— Олег? Это Татьяна Васильевна. Срочно приезжайте в дом. Да, прямо сейчас. У нас ребенок исчез. Да. И охраны нет.

Я слушаю её слова и чувствую, как в груди снова всё сжимается. Исчез. Моё сердце, моя жизнь.

Татьяна Васильевна отключается, сразу набирает другой номер.

— Лариса? Это я. Где вы? — голос её звучит жёстко, не так, как обычно. — Вы должны были быть с ребёнком! По-

чему вас нет в доме?!

Я закрываю лицо руками, не могу больше слушать. Всё внутри ломается.

Татьяна Васильевна обнимает меня, прижимает к себе.

— Мы найдём его, слышишь? — её голос твёрдый, как камень.

А я только качаюсь в её объятиях и шепчу снова и снова:

— Господи, как же так получилось? Почему? Сашенька... Ярослав..

— Так, все. Вставай. Пойдем со мной. Пойдем вниз.

Дорогие читательницы!

Мы рады приветствовать вас в новой книге "Жена брата. Переплетение судеб"

Первую часть "Жена брата. На перекрестке судьбы" можно прочитать бесплатно по ссылке:

<https://litnet.com/shrt/pPOL>

Глава 3

Ольга

В столовой пахнет свежесваренным кофе и чем-то мучным — Татьяна Васильевна, как всегда, постаралась, но никто не прикасается к еде. Скатерть ровно расстелена, хрусталь поблёскивает, но атмосфера тяжёлая, будто воздух густеет от напряжения.

Я сижу за длинным столом, сжав ладони так крепко, что ногти впиваются в кожу.

Татьяна Васильевна рядом, её ладонь на моём плече — поддержка, которую я чувствую, но не могу принять. Лариса сидит напротив, нервно тербит платок, глаза красные. Олег в конце стола, его лицо каменное, но по сжатым губам видно: он переживает.

Он откашливается и начинает говорить.

— Ольга Николаевна, — его голос низкий, твёрдый, но в нём есть странная осторожность. — Вчера поздно вечером мне позвонил Ярослав Андреевич. С незнакомого номера.

У меня внутри всё переворачивается.

— Он сказал... — продолжает Олег, — чтобы я снял всю охрану с дома. Сказал, что приедет Марат и заберёт малыша.

— Что?.. — мой голос срывается. — Зачем?..

— Он утверждал, что это необходимо. Что ребёнка отвезут в безопасное место, — Олег смотрит прямо на меня, но

его глаза холодные, будто он сам себе не верит. — Я сомневался, но он назвал кодовое слово. То самое, которое знаем только мы с ним.

Я крепче стискиваю пальцы. Кодовое слово... значит, это точно был он? Не могло же быть иначе. Но тогда почему? Зачем?..

Олег качает головой.

— Я не посмел послушаться.

Моё дыхание сбивается, в ушах шум. Я хочу закричать, но вместо этого шепчу:

— Вы... сняли охрану. Вы... оставили малыша с няней одних?

— Да, — коротко отвечает он, и в этом «да» — и вина, и оправдание.

Лариса, сидевшая до этого молча, вдруг заговорила. Её голос дрожит.

— Ночью... действительно приехал Марат. Я его сразу узнала. Сказал, что приехал за Сашенькой. Что вы, Ольга Николаевна, и Ярослав Александрович ждёте его в другом доме.

Я поднимаю голову.

— В каком доме? Где?

Она опускает глаза, теребит платок ещё сильнее.

— Я... спросила. Но он сказал, что мне не нужно знать. Что всё под контролем.

— И вы... — я задыхаюсь, — вы просто отдали ему ре-

бёнка?

Слёзы катятся по щекам, я их даже не вытираю.

— Я помогла упаковать вещи, — быстро говорит Лариса, будто хочет оправдаться. — Всё, что нужно: памперсы, пелёнки, бутылочки. Я уложила Сашеньку в автокресло, в ту самую машину, на которой вы вчера все вместе уехали. В чёрный внедорожник. Марат... был очень спокоен, уверенный.

Она сжимает платок в кулаке и наконец поднимает глаза на меня.

— Я думала, что вы в курсе. Я... правда думала, что всё в порядке.

Я откидываюсь на спинку стула, холод пробирает меня до костей. В груди — пустота. Сашеньку увезли. С ним был Марат, доверенный человек Ярослава. Но если это сделал сам Ярослав... зачем?

— То есть... — я говорю тихо, почти шепотом, но каждое слово рвёт горло, — моего сына нет... и вы не знаете, где он.

Татьяна Васильевна обнимает меня за плечи, её руки дрожат.

— Олечка, успокойся, всё под контролем. Если это Марат, значит, малыш в безопасности.

— В безопасности? — я срываюсь. Голос хрипнет, ломается. — В безопасности — это рядом со мной! А сейчас я даже не знаю, где он, с кем он!

Олег хмурится, его взгляд цепкий, настороженный. Он смотрит на меня, будто пытается просканировать каждую эмоцию, каждое слово.

— Ярослав Александрович не стал бы рисковать ребёнком. Если он сказал, что нужно так — значит, причина была серьёзная.

Я поднимаю на него глаза, полные отчаяния. Слёзы уже жгут веки.

— А если это не он? Если кто-то воспользовался ситуацией? Если это подстава?

Олег медлит. Я вижу, как у него дёргается скуловая мышца, как он сжимает губы в тонкую линию. Потом качает головой.

— Кодовое слово. Никто не мог его знать. Никто.

Эти слова будто припечатывают меня к месту. В голове вспыхивает мысль: *акак он мог сказать хоть какое-то слово, если лежит в реанимации без сознания?*

— Вы... вы понимаете, что говорите? — голос у меня дрожит. — Он в коме. Я видела его! Врач сказал, что он даже не реагирует. Как он мог позвонить? Как он мог произнести ваше дурацкое кодовое слово?

В комнате наступает тишина. Даже часы будто замерли. Татьяна Васильевна перекрестилась, Лариса испуганно прикрыла рот ладонью.

Олег нахмурился ещё сильнее, но в его взгляде скользнуло что-то, похожее на сомнение.

— Значит, позвонил не он... — произносит он глухо. — Но кто-то, кто имел доступ к информации.

— Значит, моего сына увезли неизвестно куда! — срываюсь я.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Внутри всё леденеет. Перед глазами — пустая колыбелька. Сашенька, мой крошечный мальчик, которого я целовала в макушку всего несколько часов назад, думая, что уйду всего на пару часов... И вот его нет.

— Где охрана? — я резко оборачиваюсь к Олегу. — Где все эти люди, которые должны были нас защищать?

— Я снял их, — отвечает он мрачно. — По приказу.

— По какому приказу?! — кричу я. — Человека, который лежит без сознания?!

Олег не отвечает. Его молчание страшнее любых слов.

— Господи... — я хватаюсь за голову, пальцы дрожат, ногти впиваются в кожу. — Значит, это была ловушка. Значит, кто-то всё подстроил. Пока Ярослав лежит в больнице между жизнью и смертью, моего сына просто увезли!

Татьяна Васильевна шепчет молитву, качается взад-вперёд, как будто пытается убаюкать сама себя. Лариса всхлипывает, оправдываясь:

— Я думала, это правильно... Он сказал, что вы ждёте его в другом доме... Он так уверенно говорил...

Я не слушаю. Внутри меня бушует паника, рвёт всё изнутри. Я едва дышу.

— Мы должна его найти, Марата — выдыхаю я. — Немедленно.

Олег делает шаг вперёд, кладёт тяжёлую ладонь мне на плечо.

— Успокойтесь. Мы разберёмся.

— Разберётесь?! — я вскидываю голову. — Пока вы будете “разбираться”, с моим сыном может случиться всё что угодно! Его могли увезти куда угодно! Продать, спрятать, убить...

Голос ломается, я почти захлёбываюсь собственными словами.

— Ольга Николаевна, — жёстко говорит Олег. — Не думайте о худшем. Марат — человек Ярослава. Он верен ему много лет. Если это был действительно он — ребёнок в безопасности.

— Если, — повторяю я глухо. — Если. А если нет?

Никто не отвечает.

Я обхватываю себя руками, будто могу удержать от распада. Комната плывёт перед глазами. Я слышу только собственное дыхание и отчаянный стук сердца.

Ярослав в коме. Я не знаю, выживет ли он. А мой сын — пропал. И всё, что мне говорят — «успокойся», «под контролем».

Ничего не под контролем. Абсолютно ничего.

Глава 4

Ольга

Мы все еще сидим за длинным столом в столовой, когда у Олега на поясе трещит рация. Резкий звук врывается в комнату, я вздрагиваю.

— Приехали, — раздаётся хриплый голос. — Следственная группа.

Олег кивает.

— Пропустить, — коротко бросает он в рацию.

В доме раздаётся гул шагов. Тишина становится невыносимой. Я сжимаю пальцы до боли, сердце бьётся в висках.

В дверях появляются двое. Один — высокий, с прямой спиной, лет сорока пяти, взгляд холодный, цепкий. Второй — помоложе, но в глазах у него та же сталь, только замаскированная под вежливость. Они проходят внутрь.

— Следственный комитет, — говорит старший. — Старший следователь Костромин, это мой коллега — Ильин. Мы пришли задать вам несколько вопросов в связи с происшествием вчера вечером в особняке Морозовой.

Особняк Морозовой. Я вздрагиваю от этого слова — в глазах всё ещё стоит его кровь, всё ещё эхом отдаётся тот хлопок.

Олег встаёт первым.

— Конечно. Проходите.

Они садятся напротив. Костромин кладёт на стол папку, щёлкает замком. Смотрит прямо на меня.

— Вы были там?

Я киваю.

— Да.

— Расскажите, как это было.

Я сглатываю. Слова будто застревают в горле, но я заставляю себя говорить.

— Мы приехали вместе. Это был благотворительный раут. Всё было... — я делаю паузу, пытаюсь подобрать слова, — ...пышно, шумно. Ярослав... Ярослав вышел на сцену, чтобы сказать речь. И вдруг — выстрел. Один. Резкий. Он схватился за шею, и... — голос срывается, я отвожу взгляд.

— Дальше? — Ильин чуть подаётся вперёд.

— Паника. Все начали кричать, бежать к выходу. Я видела, как его подхватили охранники. Я поехала за ним в больницу. А потом... потом уже всё.

Я умолкаю. В висках гул, дыхание сбивается.

— Почему в зале не было охраны? — неожиданно резко спрашивает Костромин.

Я моргаю, ошарашенная.

— Я... я не знаю. Всегда была. Ярослав никогда не появлялся без охраны. Но вчера... — я качаю головой. — Я не знаю.

Олег вмешивается:

— В зале были мои люди. Но после сигнала самого Ярослава я вывел часть наружу. Это его распоряжение.

— То есть он сам просил сократить охрану? — уточняет Ильин.

Олег кивает.

— Да.

Я смотрю на него ошарашенно. Ярослав сам? Зачем?

Следователи переглядываются. Потом Костромин снова поворачивается ко мне.

— Когда вы вернулись домой... — он открывает папку и быстро пролистывает листы, — ...вы обнаружили, что ребёнка нет. Верно?

— Да, — шепчу я. Горло пересыхает. — Кроватка была пустая.

— Что дальше?

— Я закричала, — голос дрожит. — Я обыскала весь дом. Потом... потом Татьяна Васильевна пришла. Потом все. Они сказали, что ребёнка увёз водитель.

— Водитель? — приподнимает бровь Ильин. — Имя?

Олег отвечает вместо меня:

— Марат. Личный водитель Ярослава Андреевича..

— Где он сейчас?

— Его ищут, — коротко отвечает Олег.

— Кто ищет?

— Мои люди.

— А результаты?

Олег качает головой.

— Пока нет информации.

В груди у меня всё сжимается. Нет информации. Эти слова звучат, как приговор.

Костромин внимательно смотрит на меня.

— Расскажите подробнее. Кто сказал вам, что ребёнка увёз водитель?

— Лариса, — тихо говорю я, кивая на няню. — Она помогла собирать вещи. Она видела, как он уезжал.

Лариса поднимает глаза, нервно кивает.

— Да. Это был Марат. Он сказал, что Ярослав с Ольгой ждут ребёнка в другом доме.

— В каком доме? — резко спрашивает Ильин.

Лариса опускает взгляд.

— Он сказал, что мне это знать не нужно.

Костромин медленно закрывает папку и протяжно вздыхает. Его пальцы постукивают по столу.

— Значит, водитель. Значит, он забрал ребёнка. Но куда — неизвестно.

Я вжимаюсь в спинку стула.

— А если это был не Ярослав?

— Невозможно, — глухо говорит Олег. — Кодовое слово знает только сам Ярослав.

— А если кто-то... узнал? — я почти кричу.

— Никто, — отрезает он.

Я закрываю лицо руками. Всё тело дрожит.

Следователи поднимаются.

— Мы ещё вернёмся, — спокойно говорит Костромин. — А пока... советуя вам быть в доступе. Если появится любая информация о водителе — немедленно сообщите.

Я киваю, даже не глядя.

Они уходят, дверь закрывается. В комнате снова тишина, но теперь она давит вдвое сильнее.

— Олечка, тебе нужно отдохнуть, — тихо, почти матерински, говорит Татьяна Васильевна. Она гладит меня по плечу, будто ребёнка. — Силы ещё пригодятся. Ты совсем белая, как полотно.

Я киваю, хотя сама понимаю: какой уж тут отдых? Но спорить нет сил. В глазах песок, тело будто налито свинцом, мысли путаются. Я поднимаюсь со стула, машинально благодарю и иду по коридору.

Ступени лестницы гулко отзываются в груди, и каждый шаг даётся так, словно я поднимаюсь в гору. Вдруг сама не замечаю, как оказываюсь у кабинета Ярослава. Тяжёлая дверь, матовая латунная ручка. Я тянусь — и замираю. Сердце пропускает удар.

А если я не имею права? Если это его территория, куда нельзя? Но внутри всё рвётся — туда. К нему.

Я поворачиваю ручку и вхожу.

Запах. Первое, что ударяет в меня. Не табак, не алкоголь, не пыль. Его. Тот самый — древесный, терпкий, с горьковатой пряностью. Я дышу глубже, будто от этого запаха могу

набраться сил.

Кабинет строгий, в тёмном дереве. На столе стопка папок, аккуратно разложенные бумаги, бокал с застывшей водой. Часы на стене тикают гулко, в пустоте.

Я провожу пальцами по кожаной спинке кресла, по холодной поверхности стола. Сажусь. Его место. От этого у меня дрожат руки.

Смотрю на лампу, на фото в рамке. Останавливаюсь. На снимке Ярослав с каким-то мужчиной. Суровые лица, деловой костюм. Но не в этом суть. Я ловлю себя на том, что глажу стекло рамки, как будто дотрагиваюсь до него.

— Зачем ты всё это сделал? — шепчу сама себе. — Зачем отдал приказ? Почему не сказал мне?

Грудь сжимается, будто воздух выкачали. Я не знаю, где мой сын. Не знаю, жив ли он. Не знаю, жив ли сам Ярослав. И всё, что остаётся — это его запах вокруг, и моё отчаяние.

Дверь вдруг тихо скрипит. Я вздрагиваю, резко поворачиваюсь. На пороге — Олег.

Он мрачный, серый, как дождь за окном. Закрывает дверь за собой, подходит ближе. Его шаги — гулкие, медленные.

— Нашли, — произносит он глухо.

Я поднимаюсь с кресла.

— Что? Где?

Он смотрит прямо, без смягчений.

— Машину. Машину Марата.

Меня бросает в холод. Ноги наливаются свинцом.

— Где?

— За городом. Пятницкое шоссе. На обочине. — Олег делает паузу, словно не решается сказать дальше. — Сгорела дотла.

У меня перехватывает дыхание. Я хватаюсь за край стола, иначе упаду.

— А... ребёнок?..

— Внутри тел не было, — твёрдо отвечает он. — Ни Марата, ни ребёнка.

Я закрываю лицо руками. Слезы прорываются сквозь пальцы.

— Господи...

Олег молчит. Его молчание страшнее слов.

Я падаю обратно в кресло. Комната кружится. Перед глазами — пустая колыбелька, огонь, сгоревший металл, чернота.

— Это моя вина, — шепчу я. — Я оставила его... всего на пару часов. Я думала... я думала, что ничего не случится...

В груди такая боль, что кажется — сердце рвётся.

Я обхватываю себя руками, будто пытаюсь удержать хоть что-то. Но внутри пусто. Пусто, как в том чёрном остове машины на обочине.

— Есть еще кое что, — его голос низкий, ровный.

— Что? — я мгновенно напрягаюсь.

Он чуть склоняет голову.

— Ты знала, что Игорь прилетел в Россию в ночь покуше-

ния и... похищения ребёнка?

Мир качается. Мне кажется, что я ослышалась.

— Что? — выдыхаю я. — Нет. Нет! Он же... он же во Франции! Он говорил... — слова срываются, путаются. — Я думала, он во Франции...

Олег внимательно следит за мной. Его взгляд пронзает, как рентген.

— У нас есть данные по перелётам. Его паспорт зафиксирован. В ту же ночь.

Я обхватываю голову руками. Внутри всё сжимается.

Это невозможно. Хотя... разве?

Я вспоминаю нашу с ним ссору в больнице, его холодные слова: «Ты и ребёнок нужны мне только для карьеры». Вспоминаю Леру, его ухмылку, когда я сказала ему, что застала их вместе.

И всё вдруг складывается в ужасную картину.

— Господи... — шепчу я. — Это он...

Олег молчит, давая мне время.

— Он мог... — голос дрожит, — он мог это организовать? Покушение? Похищение?

— Мы пока не знаем, — сухо отвечает он. — Но совпадения слишком серьёзные. Он прилетел именно в эту ночь.

Я качаю головой, пальцы дрожат.

— Но зачем? Зачем ему всё это?

— Пока не могу сказать. Но одно ясно: Игорь тут замешан. И не только он, — его голос жёсткий.

Я чувствую, как по коже бегут мурашки. Мне хочется закричать, но горло сжато.

— Мой сын... он у него? — я почти в отчаянии.

Олег смотрит на меня твёрдо, слишком твёрдо.

— Мы ищем. Но если в этом замешан Игорь... — он делает паузу. — Всё сложнее, чем кажется.

Я вжимаюсь в кресло, пальцы судорожно вцепились в подлокотники. Перед глазами — лицо Сашеньки. Его маленькие пальчики, его запах. Я дышала им перед отъездом на тот злосчастный раут, думала, что оставляю его всего на два часа. А теперь — пустота.

— Я не переживу, если с ним что-то случится, — шепчу я.

— Ты должна держаться, — резко произносит Олег. — Сейчас не время ломаться. Ярослав держится ради вас. И ты должна держаться ради него и ребёнка.

Я киваю, но внутри всё кричит.

Он поднимается, поправляет пиджак.

— Я дам знать, если появится что-то.

Телефон вибрирует на тумбочке так резко, что я вздрагиваю, будто меня ударили током. Сердце гулко бьётся в груди — я боюсь брать трубку. Боюсь услышать худшее. Всё внутри сопротивляется, но рука сама тянется.

— Да? — мой голос срывается.

— Это лечащий врач Ярослава Андреевича, — раздаёт-

ся спокойный мужской голос. Слишком спокойный. — Хочу сообщить: его состояние стабилизировано.

Я замираю.

Состояние стабилизировано.

Эти слова будто разрезают ледяную тьму внутри меня.

— Он... он в сознании? — выдыхаю я.

Пауза.

— Пока нет. Он всё ещё без сознания. Но угрозы жизни в данный момент нет. Мы будем наблюдать динамику.

Я зажмуриваюсь, слёзы мгновенно наполняют глаза. «Нет угрозы жизни» — значит, он жив. Жив. Этого достаточно, чтобы я смогла снова вдохнуть.

— Спасибо... — только и могу прошептать. — Мне можно к нему?

— Он в реанимации. Вас туда не пустят. Мы свяжемся с вами при любых изменениях, — врач говорит коротко и отключается.

Я опускаю телефон на колени, сжимаю его так сильно, что побелели костяшки пальцев. Жив. Он жив.

Если вам нравится книга, поддержите нас пожалуйста звездочками и комментариями!

Обнимаем!

Глава 5

Ольга

Мне снится сон. Яркий, будто это не сон, а вторая жизнь. Такой отчетливый, что он кажется настоящей жизнью, той, которой у меня никогда не было.

Я стою в саду. Небо над головой залито золотом, воздух тёплый, будто лето никогда не кончится. Трава мягкая, под ногами она шелестит, словно поёт. Передо мной стоит колыбелька, белая, как облако. И в ней — мой Сашенька. Он тянет ко мне крошечные ручки, смеётся так звонко и чисто, что у меня сжимается сердце.

Я наклоняюсь, беру его на руки, прижимаю к груди, вдыхаю его запах. Молоко. Тепло. Что-то невыразимо родное, что невозможно потерять, иначе — смерть. Этот запах я знаю до боли, он врезался в меня и стал моей частью.

И вдруг рядом появляется Ярослав. Высокий, сильный. Но взгляд у него не тот, к которому я привыкла. Не ледяной, не колкий, а живой, тёплый. Он смотрит на нас так, будто это самое важное, что у него есть. Будто мы — его семья.

Он протягивает руки, забирает у меня сына, подбрасывает вверх, и малыш смеётся так громко, так счастливо, что я тоже улыбаюсь. Улыбаюсь впервые за долгое время — легко, свободно. И мне кажется: всё. Это оно. Жизнь, ради которой я должна держаться. Мы втроём. Настоящие. Вместе.

Но вдруг краски начинают бледнеть. Сначала чуть-чуть, будто кто-то стер краску с холста. Потом всё быстрее. Сад исчезает, небо темнеет, воздух густеет, становится холодным. Ярослав тает, как дым, его глаза исчезают последними. Сашенька выскальзывает из рук, и вдруг колыбелька передо мной пуста.

Пустая. Белая. Мёртвая.

— Сашенька! — кричу я. Голос надрывается. — Ярослав!

Никто не отвечает. Я бегу. Трава превращается в чёрную землю, под ногами хлюпает грязь. Я цепляюсь руками за пустоту, рву воздух, спотыкаюсь, падаю. Слезы жгут глаза, а колыбелька стоит, пугающе неподвижная. Пустая.

Я наклоняюсь над ней, хватаюсь за бортики, трясусь, будто могу вырвать обратно жизнь. Но там — ничего. Тишина. Звонящая, как крик.

И я понимаю: нет ни сада, ни неба, ни смеха. Только пустота. И холод.

Я просыпаюсь с криком. В груди боль, такая, что невозможно дышать. Слезы текут сами собой. Руки шарят по кровати, будто я всё ещё могу нащупать тёплого малыша. Но рядом только подушка. Я хватаю её, прижимаю к себе и начинаю качать, словно это он. Монотонные движения немного успокаивают, но сердце всё равно рвётся из груди.

Когда слёзы иссякают, я с трудом поднимаюсь и вновь иду в кабинет Ярослава. Комната пахнет им. Этот запах бьёт в голову, обволакивает. Я опускаюсь в его кресло, забираюсь

с ногами, сжимаю руками подлокотники. Внутри пустота и хаос. За окном начинает сереть безрадостное утро.

Кто может мне помочь? У кого есть силы и желание? Я одна. Совсем одна.

Но вдруг приходит мысль. Глеб. И его жена, тоже Оля. Они приходили ко мне в роддом, были искренними, теплыми. Они ведь говорили: если что — обращайся. Я долго колеблюсь, но потом набираю сообщение. Пишу всё — как в Ярослава стреляли, как он лежит без сознания, как пропал мой малыш. Пишу и чувствую, будто сама себя предаю — не имею права грузить их этим кошмаром. Но пальцы сами бегут по экрану. В конце добавляю: «Простите, что тревожу. Мне просто очень нужна поддержка. Хоть слово».

Отправляю. И сразу же накрывает стыд. Что я делаю? У них своя жизнь. Я не имею права вламываться в неё со своим адом.

Телефон вибрирует почти мгновенно. Сообщение от Глеба:

«Ольга, мы с Олей будем только рады помочь. Ты можешь приезжать в любое время. И не извиняйся. Я подумаю, как ещё мы можем поддержать. Ты не одна. Мы рядом».

Замираю, глядя на экран. Слезы снова льются. Я не одна. Пусть даже вдалеке, но есть люди, которые думают обо мне. Это греет. Хоть ненадолго.

Я еле поднимаюсь с кресла. Тело ломит, глаза опухли. Но

нужно держаться. Для Сашеньки. Для Ярослава. Для самой себя.

Олег заходит в кабинет, и в его взгляде мелькает вопрос: спала ли я вообще. Я делаю вид, что всё в порядке.

— Поехали в больницу, — говорит он коротко.

Я киваю. Внутри всё сжимается: страх и надежда борются между собой.

Дорога тянется бесконечно. Каждое светофорное ожидание кажется пыткой. Я молюсь, чтобы, когда мы приедем, врачи сказали что-то хорошее. Хотя бы чуть-чуть.

Я стою в коридоре больницы, белом и безжизненном, где каждое слово отдаётся эхом, а воздух пахнет бинтами и йодом. Сердце стучит в ушах так громко, что я почти не слышу шагов Олега рядом. Мы сворачиваем за угол, и я сразу вижу её.

Алла Борисовна. В идеально сидящем костюме, с безупречной причёской, с лицом, на котором не дрогнул ни один мускул. Она будто вышла из салона красоты, а не пришла в больницу, где её пасынок лежит между жизнью и смертью.

— Здравствуйте, — выдавливаю я, голос срывается.

Она даже не смотрит в мою сторону. Лишь кивок — короткий, ледяной, как печать. Её взгляд сразу находит Олега, и в нём нет ни капли смятения, будто всё вокруг — неважно. Только цель.

— Нам нужно поговорить, — говорит она, и я понимаю,

что это не просьба.

Олег хмурится, но всё же кивает. Потом поворачивается ко мне:

— Ольга, подождите в комнате для посетителей.

Сердце стучит, как молот. Я хочу возразить, но взгляд Аллы Борисовны прожигает насквозь. Молча выхожу, дверь мягко захлопывается за моей спиной.

Я захожу в просторную комнату и... Я не могу иначе. Внутри всё сжимается: они будут говорить о малыше, я это чувствую. Я прижимаюсь ухом к щели между дверью и косяком.

Пауза внутри длится долго. Слышу, как Алла Борисовна откашливается.

— Говорите, — её голос режет воздух. — Что вы выяснили? Где ребёнок?

У меня сжимается сердце. Не «как Ярослав», не «он выживет ли». Только ребёнок. Саша.

Олег отвечает ровно:

— Мы проверяем все зацепки. Самое вероятное — Марат.

— Марат? — Алла Борисовна в её холоде впервые прорывается металл. — Это смешно.

— Он увёз ребёнка, — спокойно продолжает Олег. — По его словам, по поручению Ярослава.

— Ярослав в это время истекал кровью, — резко пере-

бывает она. — Не стройте из меня дуру. Вы должны искать мальчика, а не нести бред.

Я слышу, как Олег шумно выдыхает.

— Мы не исключаем и других вариантов. Но именно Марат выехал из дома с ребёнком. Машину нашли сожженной.

На секунду тишина. Потом её голос, тихий, но в этой тишине он звучит как хлыст:

— Вы некомпетентны.

Я закрываю глаза. Мне кажется, я ослышалась. Но Олег молчит, и тишина длится слишком долго.

— Вы не справляетесь, — продолжает она. — Если бы справлялись, мальчик был бы здесь. А вместо этого — пустые разговоры.

— Мы делаем всё возможное, — глухо говорит он.

— Недостаточно, — отрезает она. — Ваши люди пропускают очевидное. Вы цепляетесь за ложные следы.

Я прижимаю ладонь к губам, чтобы не вскрикнуть. Мне больно слышать, как этот сильный, уверенный мужчина, всегда рядом с Ярославом, сжимается под её голосом. Его тон меняется, он словно уменьшается в размерах.

— Мы... продолжаем работу, — произносит он, и в этих словах больше оправдания, чем уверенности.

Я не верю своим ушам. Олег — тот, кто командует целой службой безопасности, привыкший держать всё под контро-

лем, сейчас словно мальчишка перед строгой учительницей.

— Работайте быстрее, — заключает она. — Я хочу знать, где ребёнок. И мне всё равно, какими методами.

Я отхожу от двери, сердце гулко бьётся. Очевидно, что Алле Борисовне всё равно, выживет ли её пасынок. Всё её внимание приковано только к Саше. Только к моему сыну.

Слышу как она уходит.

После ухода Аллы Борисовны, я сижу в коридоре больницы и жду, разрешит ли врач увидеть Ярослава, хотя бы глазком. И наконец один из врачей — высокий, в белом халате, с усталым лицом — выходит ко мне.

— Вам можно ненадолго к нему, — говорит он тихо. — Только ненадолго.

Я киваю так быстро, что даже не успеваю вдохнуть, и почти бегу за ним по длинному коридору. Кажется, стены сжимаются вокруг, всё звенит от тишины, и только стук моих каблуков эхом отдаётся в пустоте.

Дверь открывается — и я вхожу.

Ярослав.

Он лежит так неподвижно, что у меня внутри всё обрывается. Чужие провода, трубки, датчики — они почти скрывают его тело, делая его похожим не на человека, а на куклу, подключённую к машинам. Щека вдавлена в подушку, губы сухие, бледные, кожа неестественно белая. Его грудь едва заметно приподнимается — дыхание идёт через аппарат.

И всё равно это он.

Тот самый мужчина, чьё присутствие всегда заполняло комнату. Чей голос пробирал до костей, заставлял слушаться, дрожать, спорить — и всё равно идти за ним. А теперь он неподвижен.

Я делаю шаг к кровати. Потом ещё один. Сердце подстывает к горлу. И когда моя ладонь касается его руки, я почти всхлипываю. Она холодная, тяжёлая, чужая. Не та сильная рука, которая сжимала мою, когда родился Сашенька. Не та, что однажды уверенно легла мне на колено в машине и сняла дрожь.

— Ярослав... — шепчу я. — Слышишь меня?..

Ответа нет. Только тихое «пик-пик» приборов.

Я сажусь на стул рядом, подтягиваю его ближе, чтобы видеть каждую черту его лица. И начинаю говорить. Потому что тишина убивает сильнее любого молчания.

— Помнишь ночь, когда родился Саша? — мой голос дрожит, но я улыбаюсь сквозь слёзы. — Я думала, что не выдержу. Думала, что всё — конец. А ты был рядом. Держал мою руку. Ты не кричал, не раздражался... только повторял: «Дыши. Всё будет хорошо». И я верила. Потому что с тобой я могла верить.

Я поглаживаю его пальцы, осторожно, будто боюсь сломать.

— А ещё... помнишь прогулку в лесу? — я чуть смеюсь, хоть смех получается горьким. — Ты шёл впереди, такой уверенный. А я шарахалась от каждого шороха, от каждой

ветки. Но рядом с тобой мне было спокойно. Тогда я впервые увидела тебя другим. И подумала: может быть, у меня есть шанс... у нас есть шанс.

Я прижимаю его руку к щеке. Слёзы скатываются на простыню.

— Ты нужен нам. Мне и Саше. Понимаешь? Ты не имеешь права уйти. Я жду тебя. Вернись к нам, Ярослав. Пожалуйста...

Я опускаю голову на край кровати. Чувствую, как сердце рвётся от боли. Слёзы текут на простыню, мои волосы прилипают к коже. Я дышу его запахом — слабым, почти утонувшим в лекарствах и металле, но всё равно узнаваемым.

И вдруг...

Мне кажется, что его губы дрогнули. Совсем чуть-чуть. Словно хотел что-то сказать.

Я вскакиваю, замираю, вглядываюсь в его лицо.

— Ярослав?.. — шепчу. — Это ты?.. Слышишь меня?..

Он не двигается. Только те же длинные ресницы отбрасывают тени, и приборы продолжают мерно пищать.

Но я знаю. Я чувствую. Это было. Он пытался ответить.

Я снова беру его руку в обе ладони, прижимаю к губам.

Глава 6

Ольга

Мы с Олегом выходим из больницы, и холодный воздух ударяет в лицо так резко, что я на секунду закрываю глаза. Кажется, что после стерильного запаха коридоров и палаты этот вечерний ветер пахнет свободой — и одновременно пустотой.

— Тебе нужно домой, — хмуро говорит Олег, придерживая для меня дверь машины. — Отдохнуть. Тебе сейчас особенно важно держаться.

Я качаю головой, сжимая ремешок сумки так сильно, что костяшки пальцев белеют.

— Нет. Я не могу туда.

— Ольга... — голос у него твёрдый, почти приказной. — После всего, что произошло, лучше быть дома. Там охрана, там безопаснее.

— Не могу я там быть, — перебиваю я. Голос срывается, становится резким, и я почти задыхаюсь. — Понимаешь? Там всё напоминает... и Сашу, и Ярослава. Я не вынесу еще одну ночь в этих стенах.

Он молчит. Смотрит на меня пристально, но я не отвожу взгляд.

— Я должна... — выдыхаю, — я должна кое-куда поехать.

К друзьям. Туда, где меня не раздавит эта тишина.

— К кому? — спрашивает он наконец, прищулив глаза, словно пытается прочитывать ответ прямо с моего лица.

Я отвожу взгляд, сжимаю телефон в ладони так, что пальцы сводит. На экране — чат с Ольгой и Глебом, их тёплые слова поддержки. Но я не хочу говорить..

— У меня есть люди, — произношу как можно спокойнее. — Люди, которым я доверяю.

Олег недовольно морщится, брови сходятся к переносице.

— Это неразумно.

— Разумно или нет, — я стараюсь говорить твёрдо, хотя голос дрожит, — это единственное, что удержит меня на ногах.

Он смотрит долго, тяжело, словно пытается пробить меня насквозь. Я выдерживаю этот взгляд, не отводя своих глаз.

— Я отвезу.

— Нет! — вспыхиваю. — Я — сама.

Наконец он вздыхает, сдается.

— Ладно. Я дам тебе час. Только потом сам приеду и заберу.

— Спасибо, — выдыхаю я.

Час - это очень мало. Но с другой стороны хоть какая-то передышка.

Олег уезжает по своим делам. Я дожидаюсь, чтобы его автомобиль скрылся за поворотом, тогда перехожу через дорогу и вызываю такси на адрес первого попавшегося на пути

ресторана.

Машина везёт меня по освещённым улицам города. Огни витрин, люди, спешащие по своим делам, пары, держащиеся за руки... Всё это будто из другого мира, не моего. Но внутри чуть теплеет от мысли, что впереди меня ждут знакомые лица.

Салон Ольги и Глеба светится мягким тёплым светом. Я выхожу из машины, и сердце трепещет — стыдно идти к ним в таком состоянии, с глазами, опухшими от слёз. Но дверь распахивается, и они уже здесь.

— Оля! — восклицает Ольга, бросаясь ко мне и обнимая.
— Господи, как же я рада тебя видеть!

— Ты жива-здорова? — добавляет Глеб, и его ладонь мягко ложится мне на плечо. В его глазах — тревога и участие.

У меня перехватывает дыхание. Я не успеваю ничего сказать, только киваю.

— Ты бледная как полотно, — Ольга подхватывает меня под руку. — Пойдём внутрь.

Тепло салона обволакивает меня, запах кофе и косметики перемешан с их голосами. Они не засыпают вопросами — сначала усаживают меня на мягкий диван, приносят воды, а потом Глеб тихо говорит:

— Мы всё слышали по новостям. Там стреляли... и Ярослав...

Я сжимаю губы, чтобы не заплакать.

— Он жив, но пока без сознания. И... Сашу забрали, —

слова рвутся наружу, и я не могу их удержать. — Его нет со мной, я не могу сейчас домой. Я задохнусь там.

Они переглядываются.

— Ты поедешь к нам, — решает Глеб. — У нас загородный дом, там спокойно. Никаких камер, никакой суеты. Там ты сможешь хоть немного прийти в себя.

— Но... — начинаю я.

— Никаких «но», — перебивает Ольга. — Ты нужна нам, а мы тебе. Вот и всё.

Я закрываю лицо руками. Слезы подступают, но уже не такие жгучие, как раньше.

— Спасибо...

Глеб улыбается чуть грустно.

— Поехали вместе. Сегодня ты не останешься одна.

И в этот момент я впервые за долгое время чувствую: может быть, у меня действительно ещё есть люди, которые не отвернутся.

Мы едем втроем в машине Глеба. Его внедорожник мягко катится по ночной дороге, салон тёплый, свет фар выхватывает из темноты полосу асфальта и редкие дорожные знаки. Я устроилась на заднем сиденье, а впереди Глеб и Ольга тихо переговариваются. Иногда они оборачиваются ко мне — то улыбка, то вопрос, то просто взгляд поддержки. И от этого у меня внутри что-то сжимается и отпускает одновременно.

Словно впервые за эти страшные дни меня окружает тепло.

Телефон в сумке начинает вибрировать. Я вздрагиваю: Олег. Несколько секунд борюсь с собой — взять или нет. Если не отвечу, он поднимет шум, начнёт искать. Я не готова к его вопросам, к его давлению. Но всё-таки провожу пальцем по экрану.

— Где ты? — его голос хлёсткий, резкий. — Мы договаривались на час. Час давно прошёл.

— Со мной всё в порядке, — отвечаю я, стараясь говорить спокойно.

— «В порядке»? — он почти рычит. — Ты одна, без охраны, после покушения и похищения ребёнка. Это безответственность.

Я замираю, глядя в боковое окно. Отражение моего лица бледное, усталое, с тёмными кругами под глазами. Внутри всё дрожит, но я заставляю себя выпрямиться.

— Я не ребёнок, Олег. Мне не шестнадцать. И я сама решаю, где мне быть.

— Ты играешь с огнём, — холодно произносит он. — Если с тобой что-то случится...

— Это будет моя ответственность, — перебиваю я. — Не твоя. И не забывает, что ты безопасник Ярослава, а не мой муж!

На том конце повисает тишина. Я слышу его дыхание, тяжёлое и злое.

— Скажите хотя бы, куда ты поехала, — его голос снова

властный, не терпящий возражений.

— Нет, — я смотрю прямо вперёд, туда, где в свете фар дорога уходит в темноту. — Я не скажу.

— Ольга, — в его голосе сталь, — ты не понимаешь, чем рискуешь.

— Может быть. Но я не могу сейчас вернуться в дом, где стоит пустая колыбелька. Я не выдержу.

— Завтра утром, — отрезает он. — Я жду тебя в доме.

— Я приеду, — тихо говорю я.

И, не дав ему сказать больше, сбрасываю звонок. Телефон остаётся в руке, и только сейчас я замечаю, что пальцы дрожат.

— Всё в порядке? — Ольга, сидящая впереди, оборачивается ко мне. Её глаза полны сочувствия.

— Да, — выдыхаю я. — Просто... устала.

Глеб бросает короткий взгляд в зеркало заднего вида.

— Выключи телефон и выйми сим-карту.

— Зачем?

— Так надо.

Меня передергивает, но все же я выполняю. У меня нет оснований не доверять им.

Я отвожу взгляд, чувствуя, как горло сжимается. Я не хочу плакать, не хочу распадаться прямо здесь, в этой машине. Но внутри слишком много боли.

Мы едем дальше. За окном редкие огни посёлков, потом снова тьма и лес, в котором отражаются фары. Внедорожник

мягко несёт нас вперёд, и я вдруг чувствую себя почти в безопасности. Почти.

Мы едем по извилистой дороге, и чем ближе огни дома впереди, тем сильнее бьётся моё сердце. Я смотрю в окно и понимаю — этот поворот, эти сосны, даже тишина вокруг — мне знакомы. Когда машина сворачивает за угол, я вижу фасад. Белые стены, широкое крыльцо, свет из больших окон. И вдруг меня пронзает осознание.

Я уже была здесь.

Я сжимаю пальцы так сильно, что ногти впиваются в ладони. Этот дом... именно здесь, в этих стенах, в ту самую страшную и чудесную ночь, я родила Сашеньку. Перед глазами вспыхивает картина: дождь, крики, паника, Ярослав, держащий меня за руку, и мой первый крик счастья, когда я услышала голос сына.

Я тихо выдыхаю, и сердце болезненно сжимается. Словно вся эта память возвращается сразу и накрывает меня волной.

Машина останавливается у ворот, которые открываются плавно, будто сами собой. Глеб и Ольга переглядываются, и я ловлю их молчаливый взгляд. Он слишком красноречивый, будто они что-то знают, чего не знаю я.

— Оль, — первой заговорила жена Глеба. Её голос мягкий, но в нём есть тень вины. — Ты нас, пожалуйста, прости. Но так было надо.

Я оборачиваюсь к ней, не понимая.

— Что... простить? О чём ты говоришь?

Глеб останавливает машину, выключает мотор. Поворачивается ко мне через плечо. Его лицо серьёзное, почти мрачное.

— Мы договорились с Ярославом, — говорит он медленно. — Что в критической ситуации поступим именно так.

— Что значит — так? — у меня пересыхает горло. — Я ничего не понимаю.

Никто не отвечает. Лишь их молчаливый взгляд, и в груди всё переворачивается. У меня ощущение, что мир, который я пытаюсь удержать, снова уходит из-под ног.

Мы выходим из машины. Холодный ночной воздух обжигает кожу, пахнет соснами и сыростью. Я делаю шаг к дому, и вдруг замираю.

Дверь открывается.

Из дома выходит человек. Высокий, широкоплечий. В руках он держит свёрток. Я щурюсь, сердце замирает, дыхание останавливается.

И понимаю.

Это Марат.

Он спускается по ступенькам и осторожно прижимает к груди ребёнка. Маленький носик, крошечные ручки, белая шапочка.

Сашенька.

Мой малыш.

У меня перехватывает дыхание. Мир вокруг исчезает — только этот кадр. У меня подгибаются колени, я хватаюсь за перила, чтобы не упасть.

Глеб и Ольга стоят рядом, но я их уже не вижу. Все звуки исчезают. В ушах гул крови, в груди пожар.

Марат делает ещё шаг вперёд, и ребёнок слегка шевелится у него на руках. Саша. Живой. Настоящий. Мой.

Глава 7

Ольга

Я сижу в гостиной, и весь мир сжимается в одну точку — в маленькое тёплое тельце у меня на руках. Сашенька спит, сопит тихо-тихо, его крошечный носик смешно вздрагивает от моего дыхания, а ладошки время от времени подёргиваются, будто он ловит что-то во сне. Я не могу наглядеться. Щекочу носиком его щёчку, целую в лобик, в крошечные пальчики.

— Мой мальчик... мой родной, — шепчу я, прижимая его к груди, и кажется, что сердце у меня вот-вот лопнет от переполняющей нежности.

Глеб с женой сидят рядом на диване, их лица светятся какой-то тихой радостью и усталостью одновременно. А напротив — Марат. Он сидит прямо, как всегда, руки сложены, взгляд сосредоточенный. Слушает, будто оценивает каждое моё движение.

— Вы не представляете, — выдыхаю я, поглаживая Сашу по спинке, — я думала, что никогда больше не увижу его. Я... я уже прощалась.

Марат чуть откашливается, и все взгляды обращаются к нему.

— Я должен вам кое-что объяснить, — начинает он. Го-

лос низкий, спокойный, но в нём есть то, что не оставляет сомнений: каждое слово выверено.

Я замираю и лишь крепче прижимая сына.

— Перед самым раутом, — продолжает Марат, — Ярослав Андреевич вызвал меня. Сказал, что в десять вечера я должен быть у особняка Морозовой. С малышом.

Я поднимаю глаза.

— С Сашей?..

— Да, — кивает Марат. — Он подчеркнул, что это критически важно. И добавил: если с ним что-то случится, я обязан открыть конверт.

Слова ударяют в меня, как холодный ветер. Ярослав знал. Чувствовал. Почему тогда он мне ничего не сказал?

— Конверт? — шепчу я, глядя прямо на Марата.

Он кивает снова.

— Запечатанный. С его подписью.

В комнате повисает напряжение. Глеб откидывается назад, скрестив руки на груди, а его жена наклоняется вперёд, будто тоже боится пропустить хоть слово.

Марат продолжает:

— Я подъехал к особняку ровно в назначенное время. Но вместо охраны или ожидающего меня хозяина увидел машины скорой помощи. Люди в форме бегали, было много суеты. Сначала я подумал, что ошибся адресом. Но потом понял: нет. Что-то произошло.

Я прижимаю Сашеньку ещё крепче, и он тихо всхлипыва-

ет во сне. Я поглаживаю его по спинке, сама едва удерживая слёзы.

— Тогда я понял, — говорит он, — что должен открыть конверт.

Он делает паузу. Я ловлю каждое его слово, словно от них зависит моя жизнь.

— Там были инструкции. Чёткие и короткие, — голос Марата звучит спокойно, но в каждом слове ощущается вес. — Ярослав Андреевич написал, что если с ним что-то случится, я должен увезти ребёнка. Дал адрес — сюда, — он кивает в сторону окон, за которыми темнеет сад и слышно, как ветер шевелит листву. — Сказал, что эти люди помогут. Что только здесь мальчик будет в безопасности, пока он... не сможет сам его защитить.

Я сглатываю. В груди тяжело и горячо, будто кто-то сжал сердце в кулак.

— Сюда?.. — повторяю я едва слышно. — Но почему именно сюда?

Марат поворачивается ко мне. Его лицо неподвижно, словно высечено из камня.

— Потому что Глеб и Ольга никак не связаны с вашей семьёй, — отвечает он. — Отследить их крайне сложно. Это место не попадает ни в какие схемы, ни в те связи, которые могут использовать против вас.

Я оборачиваюсь на хозяев дома. Глеб и его жена переглядываются и пожимают плечами. В их глазах всё ещё читает-

ся удивление.

— Честно говоря, мы были потрясены, — признаётся Глеб, потирая лоб. — Среди ночи к нам заявляется человек, которого мы никогда не видели, — он кивает на Марата. — И с младенцем на руках. Я сначала подумал, что это розыгрыш или что-то вроде того.

— Мы знали только Ярослава и тебя, Оль, — добавляет Ольга, его жена. — В ту ночь, когда родился Сашенька... Марата там не было. Мы видели только вас и его.

— И вдруг — снова ночь, снова Саша... и снова мы, — усмехается Глеб, хотя смех выходит нервный, с надломом. — Прямо судьба какая-то. Он к нам только ночами и приезжает, этот маленький хулиган. Подрастет и я ему подарю бинокль ночного видения.

Я невольно улыбаюсь, прижимая Сашу к себе. Его дыхание тёплое и ровное, он спит, не зная, какие страсти бушуют вокруг.

— Ярослав снял охрану, — вдруг произношу я, сама пугаясь своего голоса.

Все оборачиваются ко мне.

— В тот вечер, — продолжаю я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Олег говорил... что Ярослав позвонил и велел снять охрану. Сказал, что приедет Марат и заберёт ребёнка.

В комнате воцаряется тишина. Тиканье часов на стене кажется громче, чем мой собственный пульс.

— Это правда, — подтверждает Марат. Его глаза — два

тёмных колодца, в которых не видно дна. — Но к Олегу у Ярослава были вопросы. Он сам говорил мне об этом.

— Вопросы? — переспрашивает Глеб. — Какие?

Марат чуть прищуривается.

— На все вопросы я не имею права отвечать. Но одно скажу: Ярослав подозревал, что среди своих у него утечка. Он не доверял полностью даже тем, кто был ближе всех. Поэтому и решил так.

Я закрываю глаза, прижимая Сашу к груди ещё крепче. Слова Марата словно камни ложатся на сердце. Ярослав всегда был сильным, властным, непробиваемым... А теперь он где-то между жизнью и смертью, а мы сидим в чужом доме и шепчемся о его подозрениях.

— Так вот почему сюда... — медленно произносит Глеб, глядя куда-то в сторону. — Чтобы отвести след, запутать тех, кто мог за ним следить.

— Да, — коротко кивает Марат. — Здесь никто не подумает искать. И пока всё будет оставаться в тайне, мальчик в безопасности.

Я чувствую, как по коже пробегает дрожь. Безопасность... Это слово сейчас звучит как миф. Ведь никакая безопасность не заменит того, что Ярослав лежит в больнице, а вокруг нас плетутся сети, которых я до конца даже не понимаю.

Я поднимаю глаза и встречаю тяжёлый взгляд Марата.

— Но почему вы говорите, что у Ярослава были вопросы

именно к Олегу? — спрашиваю я. — Он ведь ему доверял.

Марат молчит несколько секунд, словно решая, стоит ли отвечать. Потом произносит:

— Доверял. Но с оговорками. Ярослав не терпел ошибок. А ошибки у Олега были. И слишком много совпадений в последнее время.

В комнате снова наступает тишина. Только Глеб шумно вздыхает и разводит руками:

— Ну что ж. Теперь понятно, почему он всё провернул именно так.

Я опускаю голову к Сашеньке. Его крошечные пальчики сжимаются вокруг моего большого пальца, и в груди поднимается острая боль — от нежности и от ужаса одновременно.

А мысли крутятся только об одном: если Ярослав и правда предвидел всё это... значит ли это, что он сам знал, что его могут убить?

Дорогие читательницы!

У меня (Ирины Биларди) сегодня день рождения.

И мы с Мариной рады вам представить нашу новую книгу
"Развод с продолжением"

<https://litnet.com/shrt/jWRv>

Расчитываем на вашу поддержку в виде звездочек!

Очень внимательно и с удовольствием читаем ваши ком-

ментарии!

Обнимаем!

Ирина и Марина

Глава 8

Ольга

Сначала я чувствую радость — ту самую, почти животную, когда прижимаешь к себе ребёнка и просто дышишь им. Его запахом, его теплом, его существом. А потом приходит осознание: я не могу кормить его.

Грудь пуста. Совсем.

Я долго не хочу в это верить. Пробую ещё и ещё. Слезы сами катятся по щекам, когда он, посапывая, ищет, а потом капризно отворачивается. Маленький ротик дрожит.

Я шепчу ему:

— Прости, мой хороший... прости, мама всё исправит...

Пальцы дрожат, когда я набираю номер врача.

Анна Петровна отвечает почти сразу — бодро, с тем же голосом, который я помню с той ночи, когда она принимала у меня роды.

— Ольга! — узнаёт она меня сразу, и в голосе искреннее удивление. — Господи, как же я рада тебя слышать! Конечно, помню. В ту ночь буря была — помнишь? Я тогда ещё подумала, что этот мальчишка родится с характером. Ну и? Как вы? Как малыш?

— Все в порядке, - шепчу я. — Только у меня... пропало молоко. Совсем.

На том конце повисает тишина. Потом Анна Петровна говорит мягко, почти по-матерински:

— Это не редкость, Ольга. Иногда организм просто блокируется. Тебе нужно восстановиться, отдохнуть. Не мучай себя. Главное — чтобы малыш ел.

— Но чем? — спрашиваю я, чувствуя себя беспомощной.

— Смесь. Подберём подходящую. Я напишу тебе пропорции и режим. И не переживай. Главное, что ты рядом.

Я слышу, как она улыбается, а потом вдруг добавляет — легко, с теплотой, от которой у меня защемляет сердце:

— Я всё помню, девочка. И тебя, и ту ночь. И папу твоего мальчика — как его... Ярослав, да? Ох, он был белый, как простыня! Весь бледный, ходил кругами, а виду не подавал. «Доктор, только спасите их обоих», — всё твердил. Настоящий отец.

Я не могу ответить. Только слушаю и держу телефон так, будто от этого голоса зависит моя жизнь.

— Анна Петровна... — шепчу. — Спасибо вам. За всё.

— Ну-ну, — мягко отвечает она. — Береги себя, девочка. И сына. Всё остальное наладится.

Мы прощаемся. Долгое время я просто сижу с телефоном в руке, уткнувшись лбом в колени. От всех этих слов хочется и плакать, и смеяться.

Ярослав... белый от переживаний. Этот образ не укладывается в голове. Но я знаю, что он правдив.

Когда возвращаюсь в гостиную, Глеб и его жена уже хлопчут у стола, подогревая молоко.

— Мы всё это время кормили его вот этой смесью, — говорит Ольга (та, хозяйка дома), доставая из пакета банку с золотистой крышкой. — Он её хорошо переносит.

Я киваю, стараясь не расплакаться снова.

— Спасибо вам. Если бы не вы...

Глеб машет рукой.

— Не надо. Он не чужой. Мы делаем то, что нужно было сделать.

Остаток вечера проходит в тишине. Я не отпускаю Сашу ни на секунду. Даже когда они с Ольгой предлагают помочь, я качаю головой:

— Нет. Я сама.

И сижу с ним на диване, держу на руках, глядя по мягким волосикам. Он шевелится, сопит, вздрагивает во сне. Мой сын. Мой живой, настоящий мальчик.

Когда они уходят спать, я остаюсь одна. Дом тихий, за окном слышен только ветер. Я включаю ночник и долго смотрю, как его мягкий свет ложится на щёчку Саши.

Руки сами обнимают его — осторожно, как что-то хрупкое, святое. Я прижимаю губы к лобику, потом к крошечной ладошке.

— Ты мой, — шепчу. — Мой, слышишь? Никто тебя больше не отнимет. Никогда.

Он шевелится, издаёт тихий звук, будто отвечает. Сердце

сжимается от боли и любви.

Потом я достаю бутылочку, наливаю тёплую смесь. Саша морщит носик, открывает рот, и я аккуратно подношу соску. Он хватает её жадно, будто боялся, что я передумаю.

Глотает шумно, с усилием, маленькое горлышко движется ритмично. На щеках розовеют пятнышки.

Я улыбаюсь сквозь слёзы.

— Вот так, мой хороший. Ешь. Набирайся сил.

Он ест, потом зевает и обмякает у меня на руках. Засыпает.

Я долго не могу отвести взгляд. В каждом вдохе, в каждой черточке лица — Ярослав. Линия подбородка, чуть нахмуренные брови, даже этот упрямый изгиб губ.

Я глажу его по голове и думаю: если бы Ярослав видел нас сейчас...

Ночь медленно тянется. Тишина мягкая, почти нежная. Только иногда где-то далеко хлопнет ставня или тихо завоет ветер.

Я не могу уснуть. Всё время прислушиваюсь к дыханию сына, к его тихим звукам, будто боюсь, что снова что-то отнимет его у меня.

Ближе к рассвету, когда небо за окном светлеет, я прижимаю его к себе, укрываю пледом и тихо шепчу:

— Спи, мой маленький. Всё хорошо. Всё хорошо...

Он спит спокойно. А я — не могу. Потому что где-то глу-

боко внутри знаю: всё это спокойствие — временное.

Утро пахнет чем-то тёплым, домашним. Сквозь шторы льётся мягкий свет, и впервые за долгое время я просыпаюсь не от кошмара, а от тихого посапывания Сашеньки в колыбельке рядом. Он шевелится, хмурит крошечный лоб, и я, не сдержавшись, провожу пальцем по его щеке.

— Мой хороший... — шепчу, и сердце сжимается от нежности.

В этот момент телефон на тумбочке вибрирует. Я вздрагиваю, хватаю его — незнакомый номер. На секунду замираю, потом всё-таки беру трубку.

— Алло?

— Ольга Николаевна? — спрашивает спокойный мужской голос.

— Да.

— Ярослав Андреевич пришёл в сознание. Состояние по-прежнему тяжёлое, но стабильное. Он пока очень слаб, говорить долго нельзя, но... он в сознании.

Мир будто на секунду останавливается. Я сжимаю телефон обеими руками, чтобы не выронить.

— Он... очнулся?

— Да, — подтверждает врач. — Думаю, сегодня к обеду можно будет навестить. Но ненадолго.

Я не отвечаю. Горло перехвачено. Только киваю в пустоту и слышу собственное дыхание.

— Спасибо... — шепчу, когда он уже прощается.

Телефон падает на кровать. Я зажмуриваюсь, чувствуя, как из груди вырывается рыдание — то ли облегчение, то ли страх. Он жив. Он очнулся. Может быть, всё наконец начнёт налаживаться.

На кухне уже суетятся Глеб и его жена. Запах кофе и toastов заполняет дом. Марат сидит за столом, сосредоточенно помешивает ложечкой в чашке.

— Проснулась? — улыбается моя тетка, — Иди, садись, мы только начали.

Я опускаюсь на стул, крепко держу кружку обеими руками.

— Ярослав очнулся, — говорю тихо, почти шёпотом. — Врач только что звонил.

Глеб поднимает глаза.

— Вот это новости! Слава богу.

Марат молча кивает, но я замечаю, как его пальцы судорожно сжимаются в кулак.

— Что сказал врач? — спрашивает он.

— Слаб, но в сознании. Я... я хочу поехать к нему сегодня.

— Конечно, — сразу говорит Ольга. — Мы всё соберём. Ты должна его увидеть.

Сердце бьётся быстрее. Я так хочу его увидеть — убедиться, что это не сон. Что он действительно жив. Что я не потеряла и его.

Мы быстро собираем завтрак, но почти никто не ест.

Только кофе, короткие фразы и тишина между ними.

Ольга достаёт из шкафа детскую сумку.

— Смесь, бутылочки, запас подгузников, одеяло. Всё нужно взять. На всякий случай.

Марат встаёт из-за стола.

— Я отвезу.

Я киваю, но потом вспоминаю.

— Но... твоя машина. Она ведь... — Я запинаюсь, не в силах произнести слово сгорела.

Марат опускает взгляд.

— Да. Но не переживайте. Мы найдём, на чём ехать.

— Марат возьмет нашу, — предлагает Глеб. — У нас вторая стоит в гараже, почти не пользуемся.

Я качаю головой.

— Нет. Вы и так сделали для нас слишком много. Я не могу оставить вас без машины за городом. Вдруг что-то понадобится.

— Тогда такси, — говорит Глеб. — Я закажу бизнес-класс, чтобы место для малыша было.

Он достаёт телефон и что-то быстро набирает. Я в это время закрываю бутылочку, проверяю сумку — смесь, вода, запасная одежда, пелёнки, влажные салфетки. Всё есть.

Ольга помогает одеть Сашеньку. Тот сонно жмурится, не понимая, что происходит.

— Вот и всё, маленький, — шепчу я, застёгивая комби-

незон. — Едем к папе. Он ждёт.

Глеб подходит, кладёт руку мне на плечо.

— Всё будет хорошо, слышишь?

Я киваю, но внутри странное ощущение — будто на грани чего-то большого. Сердце не отпускает тревога.

Такси подъезжает.. Чёрный седан, водитель в перчатках и строгой рубашке. Он выходит, открывает дверь.

— Доброе утро. Куда едем?

— В город, в клинику на Пречистенке, — отвечает Марат, устанавливая автолюльку.

Я сажусь рядом, укладывая Сашу в карсит. Ольга и Глеб стоят на крыльце. Она машет рукой, он кивает — мол, звони, как только доедете.

Машина плавно трогается. За окнами проносится зелень сада, потом дорога уходит под тень сосен. Всё кажется таким тихим, мирным, будто ничего страшного никогда не случилось.

Но внутри я вся натянута, как струна. Каждое движение водителя, каждый поворот дороги — всё кажется подозрительным. Марат сидит впереди, смотрит в окно. Его плечи напряжены.

— Всё хорошо? — спрашиваю я, не выдержав.

Он поворачивается.

— Да. Просто думаю.

Я не спрашиваю, о чём. Мы оба знаем, что мыслей слиш-

ком много.

Саша начинает шевелиться, тихо поскуливает. Я достаю бутылочку и осторожно даю ему. Он сразу хватается за соску, ест жадно, смешно шевеля бровями.

— Голодает, бедный, — улыбается Марат.

— Да, — шепчу я. — Ночью плохо спал.

Мы едем, и я чувствую, как сердце постепенно успокаивается. Дорога ровная, небо чистое. Может быть, действительно всё наладится? Может быть, скоро мы все будем дома. Втроём.

Я закрываю глаза, слушаю ровное урчание мотора и дыхание сына.

Ярослав очнулся. Он жив.

Это всё, что сейчас имеет значение.

Мы подъезжаем к больнице около полудня. Асфальт блестит от солнца, стеклянные двери отражают машины и людей, и мне кажется, что я попала не в реальность, а в какой-то чужой, стерильный сон.

Марат выходит из машины первым, обходит и открывает мне дверь. Я осторожно выхожу, прижимая Сашеньку к груди. Он тёплый, сонный, пахнет молоком и чем-то домашним — тем, что спасает меня от безумия. Его дыхание касается моей шеи, и я шепчу:

— Мы сейчас к папе, слышишь? К папе.

В фойе пахнет антисептиком и стерильной прохладой. Свет бьёт в глаза, люди в белых халатах мелькают мимо, кто-то катит каталку, кто-то звонит. Всё движется, только я застываю у стойки регистрации, словно время остановилось.

— Я к Ярославу Туманову, — говорю, сжимая в одной руке документы, а другой придерживая Сашеньку. — Он после операции, мне звонил врач, сказал, что он пришёл в себя.

— Ваше имя? — дежурная медсестра смотрит на экран.

— Ольга... Ольга Туманова.

Она на секунду замирает, потом поднимает глаза.

— Простите, но вас нет в списке посетителей.

— Как это — нет?! — я не понимаю. — Я мать его ребёнка!

Марат делает шаг вперёд, глухо говорит:

— Проверьте ещё раз. Ярослав Андреевич Туманов, палата тридцать первая.

— Да, именно, — кивает медсестра, — но доступ ограничен. Только члены семьи.

— Мы и есть семья, — вырывается у меня.

Но она уже отворачивается к телефону, что-то уточняет. Через минуту появляется охранник в форме, за ним второй.

— Простите, — говорит он, загораживая проход. — Проход закрыт.

Я не сразу понимаю.

— Как это закрыт? Я жена... — запинаясь, потом тихо добавляю: — ...его гражданская жена.

— Извините, — спокойно отвечает он, — распоряжение семьи.

— Какой семьи? — не понимаю я. — Его семья — это мы! Марат делает шаг вперёд:

— Вы, наверное, ошиблись. Ярослав Андреевич в реанимации, эта женщина и есть его семья.

Охранник качает головой:

— У нас прямое указание. Никого, кроме врача и ближайших родственников, не впускать.

— Но я должна его увидеть! — голос срывается. Сашенька просыпается и начинает тихо хныкать. — Он очнулся, я просто... просто хочу убедиться, что он жив!

— Девушка, — говорит другой охранник, выходя из-за угла, — не создавайте конфликт. Это не наша прихоть. Приказ поступил от госпожи Тумановой.

Имя звучит как пощёчина.

Я стою, не веря своим ушам. Алла Борисовна. Конечно. Кто же ещё.

— Нет, — шепчу. — Она не имеет права.

В этот момент появляется врач — тот самый, что звонил мне утром.

— Ольга Николаевна? — спрашивает он. — Прошу вас, пройдите в сторону, здесь нельзя шуметь.

— Почему вы меня не пускаете? — я чувствую, что слёзы уже где-то в горле. — Вы же сами сказали, что он очнулся!

Врач вздыхает, отводит взгляд:

— Поступило распоряжение от семьи. Я не могу его нарушить.

— От какой семьи?! — почти кричу я. — Мы - его семья!

— Пожалуйста, не повышайте голос, — тихо просит он.
— Мне очень жаль.

Врач опускает глаза, будто ему стыдно.

Я чувствую, как у меня дрожат руки. Сашенька начинает всхлипывать, я покачиваю его, шепчу:

— Тсс, всё хорошо, малыш... всё хорошо.

Охрана выводит нас с Маратом с малышом из больницы, и в этот момент к зданию подъезжает машина. Сине-красные проблесковые маячки, звуки шагов по плитке — я оборачиваюсь.

Из машины выходят двое полицейских. С ними — Олег. Его лицо напряжено, губы сжаты в тонкую линию.

— Олег! — выдыхаю я. — Что происходит? Почему меня не пускают к Ярославу?

Он подходит ближе, но смотрит не на меня, а на Марата.

— Марат, тебе нужно поехать с ними, — говорит он медленно.

Марат напрягается, выпрямляется.

Один из полицейских достаёт документы.

— Марат Сафронов? Вы задержаны по подозрению в похищении ребёнка.

— Что?! — я почти теряю дар речи. — Какое похищение?! Это бред!

Марат хмурится, делает шаг вперёд.

— Какое похищение, капитан? Это мать ребёнка, — он указывает на меня. — Она сама может подтвердить, что я действовал по приказу Ярослава Андреевича.

— У нас есть заявление, — ровно отвечает полицейский. Я чувствую, как под ногами будто уходит пол.

— Это ошибка! — я хватаю полицейского за рукав. — Нет никакого заявления! Я ничего не писала!

Сашенька пугается моего крика и начинает плакать. Маленькое лицо краснеет, ручки тянутся ко мне. Я прижимаю его, шепчу, стараюсь успокоить, но руки дрожат.

— Не плачь, малыш, не плачь, мамочка рядом...

Марат делает шаг вперёд.

— Повторяю, капитан, мальчик с матерью. Все распоряжения я получал лично от Ярослава Андреевича.

— Поздно, — отрезает полицейский. — Дело заведено. Поедете с нами для дачи показаний.

— Это ошибка! — я почти срываюсь на крик. — Олег, скажи им! Сделай что-нибудь!

Олег сжимает губы.

— Ольга, я... ничего не могу сделать. Это официальное постановление.

— Но кто написал заявление?! — я уже почти рыдаю.

— Заявление подано от отца ребенка, - говорит полицейский.

Я замираю.

— От... кого?

— От отца, лично — повторяет тот же голос. — Отец указал, что ребёнка вывезли против его воли, в неизвестном направлении.

Марат смотрит на меня.

— Не волнуйтесь, — тихо говорит он. — Разберёмся.

Они начинают его уводить.

— Подождите! — я кричу. — Это ошибка! Олег, сделай что-нибудь!

Олег подходит ближе, кладёт руку мне на плечо.

— Оля, я пытаюсь, но... у них заявление. Всё оформлено официально.

— Но как?! Кто подал заявление? — я уже не понимаю, что говорю.

Олег медлит, потом тихо произносит:

— Игорь.

Имя падает, как камень. Я оборачиваюсь на здание, вглядываюсь в окна — и вдруг вижу.

На втором этаже, за стеклом, кто-то стоит. Высокая фигура, знакомая осанка. Серое пиджак, руки в карманах.

Игорь.

Он смотрит прямо на меня. Холодно, спокойно, почти с усмешкой.

Мир вокруг будто замер. Марат уже садится в полицейскую машину, двери закрываются. Олег что-то говорит охране. Я не слышу.

Только это лицо за стеклом. Мой бывший муж. Вернее настоящий. Брат Ярослава.

Я делаю шаг назад, чувствуя, как воздух становится густым.

— Нет... — выдыхаю я. — Этого не может быть.

Но стекло на втором этаже дрожит в солнечных лучах, и Игорь всё так же спокойно смотрит вниз, на меня.

Как человек, который только что выиграл войну, даже не начав сражения.

Глава 9

Ольга

Пулей вылетаю из больницы, прижимая Сашеньку к груди. Он дышит неровно — устал от дороги, от шума, от всех этих голосов, лиц, запахов. Маленькая ручка судорожно цепляется за мой палец, и это единственное, что не даёт мне упасть.

Вокруг — люди, машины, чьи-то спешащие тени. А я — будто вне всего этого. Внутри — пустота. Не просто страх или растерянность, а вязкая, ледяная пустота, в которой не слышно даже собственного сердца.

Марат... его увезли. Просто так, без возможности объяснить, без доказательств. А Игорь — живой, целый, спокойный — стоял за окном и смотрел на меня так, что липкое чувство страха прилипло к стене. Как будто именно этого и ждал.

И что теперь? Куда идти?

Я смотрю на Сашу. Он мирно посапывает, уже заснул. Его ресницы дрожат, губы чуть приоткрыты, а я понимаю, что не могу позволить ему снова оказаться в опасности.

Никому нельзя доверять. Но куда идти?

Мысли скачут, как в лихорадке.

Вернуться к Глебу и Ольге? Они сделали для нас больше, чем могли. Приняли ночью, когда я думала, что схожу с ума.

Скрыли нас. Помогли. Но... как долго можно злоупотреблять чужой добротой? Я видела, как устало на меня смотрела Ольга утром — с теплом, но и с тревогой. У них своя жизнь. Свои заботы. И мой дурдом не должен быть частью их дома.

Дом Ярослава?

Я едва не усмехаюсь сквозь слёзы.

Там, наверняка, уже всё под контролем Аллы Борисовны. Холод, яд и ложь — её стихия. Она не отпустит меня, если я появлюсь. А Олег... Я не знаю, кто он на самом деле. Он вроде бы на стороне Ярослава, но в его голосе слишком часто звучит осторожность, будто он что-то скрывает. Я не могу туда. Не сейчас.

Тогда... мама?

Я вздрагиваю от этой мысли. Мама — последнее место, куда я хотела бы возвращаться. Она не звонила и не спрашивала, как я. Ни после родов, ни когда Ярослав оказался в больнице. Словно нас просто не существует. Но всё равно — это мама. И пусть холодная, равнодушная, но она не выгонит. Не может выгнать — я же с ребёнком. С её внуком. И если она хоть каплю помнит, что такое любовь, пусть даже не ко мне, а к себе — примет.

Я смотрю на Сашу. Он шевелится во сне, морщит лобик, будто чувствует мою растерянность.

— Всё хорошо, малыш, — шепчу я, — Мамочка рядом.

Я делаю глубокий вдох, достаю телефон. Экран мутнеет

от слёз, я моргаю, пытаюсь сфокусироваться.

Такси. Просто вызвать такси.

Я вбиваю адрес — родной, но чужой. Квартира на окраине Москвы, в доме, где я выросла. Где всё осталось как раньше: старый ковёр на стене, запах варенья и усталости, и тишина, в которой никто никого не слушает.

Нажимаю «вызвать».

Телефон тихо вибрирует. Водитель уже принял заказ — пять минут ожидания.

Я присаживаюсь на лавку у больницы. Саша спит у меня на руках, его крошечное тело доверчиво прижимается к моему. Слёзы сами катятся по щекам, я не вытираю их. Пусть текут. Сколько уже можно держаться?

Ты сильная, — говорил Ярослав в ту ночь, когда родился Саша. Ты даже не представляешь, какая ты сильная.

А я не сильная. Нифига не сильная! Сильной я была рядом с ним.

Такси приезжает. Мы садимся и я называю адрес родительского дома.

Я стою перед старой дверью, держа Сашеньку на руках, и слышу, как за ней шаркают шаги. Щелчок замка, глухое скрип петель — и вот она, мама. Тот же халат — выцветший, с распушенной нитью на поясе, те же тапочки с загнутыми носками, то же выражение лица, будто мир опять сделал что-то не так, и виновата, конечно, я.

— Ольга? — мама морщит лоб. — Ты чего приехала?

Голос у неё всё тот же — уставший, раздраженный, будто я не дочь, а курьер с просроченной посылкой.

Может она меня удочерила и поэтому так не любит?!

— Мам, — я стараюсь улыбнуться. — Привет.

Она обводит меня взглядом — с головы до ног. Долго. Потом задерживается на Саше.

— Это что, ребёнок?

Я киваю.

— Мой. Твой внук, мама.

— Внук, — повторяет она, и в голосе ни тени тепла. — От кого?

Я сглатываю.

— Это долгая история. Можно мы... войдём?

Мама тяжело вздыхает, отходит в сторону, будто впуская меня не из жалости, а потому что слишком устала спорить.

— Проходи. Раз уж приперлась.

Я захожу в квартиру, вдыхаю знакомый запах — смесь подгоревшего масла и дешёвого порошка. Всё так же, как десять лет назад. Даже шторы те же — жёлтые. На подоконнике стоит тот же цветок, старый, но живучий. Всё замерло здесь, как будто и я сама ушла, а след остался.

— Можешь поставить его... куда-нибудь, — говорит мама, кивнув на Сашу в переноске. — Только не на диван, он новый.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать, что «новый» диван — лет пятнадцати от роду, но молчу. Опускаю пере-

носку на пол, расстегиваю одеяло, Сашенька тихо посапывает. Мама бросает на него равнодушный взгляд.

— Ну, похож... — говорит как будто про чужого ребёнка.

— На кого — не пойму.

Я опускаюсь рядом с малышом, провожу рукой по его лбу.

— Главное, что он хороший.

Мама пожимает плечами, идёт на кухню.

— Кофе хочешь? У меня растворимый. Чай — черный.

— Чай, — тихо отвечаю я.

На кухне всё тоже без изменений. Табуретки, стол, кухонный гарнитур. Она ставит чайник, открывает банку с печеньем — то самое, что я когда-то покупала. Я ловлю себя на мысли, что после свадьбы с Игорем я часто ей помогала. Денежные переводы, новые вещи, даже ремонт в ванной — но всё это растворилось в привычной серости, как будто ничего и не было.

Мама ставит передо мной чашку.

— Так зачем приехала? — спрашивает, не глядя.

— Мне некуда идти, — говорю тихо. — Можно я немного побуду у тебя?

Она поворачивается, опирается руками о столешницу. В её взгляде ни удивления, ни сочувствия — только раздражение.

— Муж выгнал? — продолжает она. — Или ты сама убежала?

— Мы... — я ищу слова. — Мы больше не вместе. Разве

ты не знаешь?

Мама фыркает.

— А что мне знать? Я знаю, что ты не от мужа ребенка родила. Он мне позвонил и сам все рассказал.

— Я даже не знала об это! Да к тому же Игорь изменил мне!

— А я тебе говорила. Не удержишь ты такого. Он тебя из грязи вытащил, а ты что? Сколько он на тебя денег тратил!

— мама качает головой. — Шубы, машины, квартиры. А ты? Всё казалось мало, да?

— А я что?! Мам, он мне с Лерой нашей изменил!

Слова падают одно за другим, холодные, тяжёлые.

— Стыдно тебе должно быть сестру оговаривать!

— Мам... — шепчу я.

— Ребенка родила и вспомнила, что у тебя мать есть?

Я молчу. Просто молчу. Я и не рассчитывала на другое.

Мама садится напротив, вздыхает, смотрит на меня поверх чашки.

— Ладно. Я не изверг, живи, раз уж больше пойти не к кому, — наконец говорит. — Куда ж я тебя дену. Комната твоя целая, правда, складом стала.

— Я уберусь в ней.

— Только, чтобы Леру мне наветы не пледа! Поняла? — строго смотрит.

— Спасибо, мам, — выдыхаю я.

— Не «спасибо», а «впредь думай головой». Это тебе за

то, что не ценила человека, который тебе жизнь устроил.

Я киваю.

— Да, мам.

Слова привычные. Они не обижают — просто проходят сквозь меня, не оставляя следа. Я привыкла быть виноватой. Во всём.

Забираю сына и иду к себе в комнату. Расчищают кровать и ставлю на неё переноску. Затем готовлю ему бутылочку. Сын жадно её съедает и наконец засыпает. Его дыхание ровное, тёплое, чуть слышное. Маленькая ладошка лежит у щёчки, губы чуть приоткрыты. Я сижу рядом и не могу отвести взгляда.

В груди всё дрожит — от нежности, от страха, от ощущения, что этот мир снова уходит из-под ног.

Я провожу пальцем по его щеке, стараясь не разбудить, и шепчу:

— Прости, малыш. Мамочка опять не знает, что делать.

Комната полутёмная, старый ночник бросает неровные тени на стены. Всё кажется сном — чужим, тягучим, неправильным.

Я здесь, в квартире, с которой когда-то мечтала убежать как можно скорее. И теперь вернулась — с ребёнком, без мужа, без дома, без уверенности, что утро вообще наступит.

Но есть то, что я чувствую каждой клеткой: я должна попасть к Ярославу.

Он жив. Он в больнице. Он очнулся.

И кто знает, что ему говорят? Кто рядом с ним? Алла Борисовна? Может, уже успела перевернуть всё с ног на голову, убедить, что я — враг, что я виновата во всём, даже в его пуле.

Я не могу просто сидеть.

Мне нужно его увидеть. Нужно сказать, что я рядом. Что я не предавала. Что Саша жив, что всё, что он делал, не было зря. Что он отец. Что я...

Я закрываю глаза. Слова не складываются. В горле ком.

Как мне уехать?

Мама едва смотрит на внука. С самого приезда не подошла ни разу, не спросила, не поинтересовалась, как кормлю, как спит. Ей будто всё равно. Сашенька для неё — просто лишний рот в квартире.

Я слышу её шаги на кухне — размеренные, раздражённые. Включается чайник, потом гремит ложка о чашку. Она всё делает громко, будто специально, чтобы я не забыла, что я здесь гостья.

Я поднимаюсь, подхожу к двери и приоткрываю её. Из щели вижу маму: сидит за столом, в халате, скрестив руки. Курит.

Сигарета дрожит в пальцах, пепел сыпется на тарелку.

— Мам... — тихо зову я.

Она не поворачивается.

— Что опять?

— Мне... нужно будет утром отлучиться.

— Куда? — голос острый, как нож.

— В больницу.

Она отставляет чашку.

— В больницу? К кому?

— К одному человеку.

— А ребёнка куда?

Вот он, главный вопрос. Я ждала его.

И не знаю, что ответить.

— Мама, — я делаю шаг вперёд. — Я тебя очень прошу... побудь с ним пару часов. Он спит, ты даже не заметишь.

Мама оборачивается.

В глазах раздражение.

— Ты серьёзно? Думаешь, мне сейчас до твоих младенцев?

— Он твой внук, — вырывается у меня.

— Я внуков не заказывала, — сухо говорит она и тушит сигарету. — У меня своя жизнь. И вообще, где его отец? Пусть он и сидит.

— Он в больнице, — тихо отвечаю. — В него стреляли.

Мама замирает на секунду, но потом лишь фыркает.

— Ну, вот и видишь, к чему доводят твои богатенькие кавалеры.

Я сглатываю.

— Мама, пожалуйста. Мне очень нужно.

— А мне нужно спокойно пожить, — перебивает она. —

Я не нянька.

Мы обе молчим. В воздухе густо пахнет табаком и упрямством.

Я понимаю, что она не скажет «да».

Но всё равно пытаюсь.

— Это ненадолго. Я вернусь к обеду. Он, правда, тихий. Если проснётся — просто дай ему бутылочку. Я всё приготовлю.

Мама криво усмехается.

— Ты как всегда: вляпалась — и теперь я крайняя.

Я молчу.

Просто стою.

В какой-то момент её взгляд смягчается — едва заметно, но всё же.

— Ладно, — вздыхает она. — Оставь. Только без этих твоих соплей. Я не обещаю, что всё правильно сделаю, но постараюсь не угробить.

Эти слова звучат почти как милость.

Я киваю.

— Спасибо, мам.

Она отмахивается.

— Иди уже, а то передумаю.

Глава 10

Ольга

Я раскладываю на кухне на столе всё по порядку: бутылочку, мерную ложку, банку смеси, кипячёную воду в термосе, чистые пелёнки, стопку крошечных бодиков. Рядом — подгузники, влажные салфетки, крем. Пишу крупными буквами на листке: «Сначала помой руки. Смесь — 90 мл воды + 3 мерных ложки. Температура — тёплая, не горячая. Кормить — в колыбели, или на руках, потом держать столбиком, пока не отрыгнёт. Если заплачет — проверь подгузник. Если хмурится — может, колики. Погладь по животу по часовой стрелке. Не пугайся».

— Ты что, решила меня учить жизни? — мамино недожество можно резать ножом. Она стоит в своём вечном халате, скрестив руки на груди, и смотрит так, будто я принесла в дом опасный эксперимент. — Я двух дочерей одна вырастила, между прочим. Без няnek и без ваших этих баночек. И без записочек.

— Мам, это не чтобы учить... — осторожно говорю. — Я просто волнуюсь. Он малень

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.